

МАРК
МЕЕРОВИЧ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

В С С С Р
1917—1929

ОТ ГОРОДА-САДА
К ВЕДОМСТВЕННОМУ
РАБОЧЕМУ ПОСЕЛКУ

STUDIA

URBANICA

Studia Urbanica

Марк Меерович

**Градостроительная политика в
СССР (1917–1929). От города-
сада к ведомственному
рабочему поселку**

«НЛО»

2017

Меерович М. Г.

Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку / М. Г. Меерович — «НЛО», 2017 — (Studia Urbanica)

ISBN 978-5-4448-0484-1

Город-сад – романтизированная картина западного образа жизни в пригородных поселках с живописными улочками и рядами утопающих в зелени коттеджей с ухоженными фасадами, рядом с полями и заливными лугами. На фоне советской действительности – бараков или двухэтажных деревянных полусгнивших построек 1930-х годов, хрущевских монотонных индустриально-панельных пятиэтажек 1950–1960-х годов – этот образ, почти запретный в советский период, будил фантазию и порождал мечты. Почему в СССР с началом индустриализации столь популярная до этого идея города-сада была официально отвергнута? Почему пришедшая ей на смену доктрина советского рабочего поселка практически оказалась воплощенной в вид барачных коммуналок для 85 % населения, точно таких же коммуналок в двухэтажных деревянных домах для 10–12 % руководящих работников среднего уровня, трудившихся на градообразующих предприятиях, крохотных обособленных коттеджных поселочков, охраняемых НКВД, для узкого круга партийно-советской элиты? Почему советская градостроительная политика, вместо того чтобы обеспечивать комфорт повседневной жизни строителей коммунизма, использовалась как средство компактного расселения трудо-бытовых коллективов? А жилище оказалось превращенным в инструмент управления людьми – в рычаг установления репрессивного социального и политического порядка? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в этой книге.

ISBN 978-5-4448-0484-1

© Меерович М. Г., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1. Город-сад как элемент градостроительной политики в России в предреволюционный период	19
1.1. Предпосылки интереса к идее города-сада и причины ее популярности	19
1.2. Движение по возведению городов-садов	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марк Григорьевич Меерович

Градостроительная политика в СССР (1917–1929) От города-сада к ведомственному рабочему поселку

Введение

Отечественная архитектурно-градостроительная мысль проделала в конце XIX – начале XX в. непростой путь от идеи города-сада до концепции индустриальных городов-новостроек – поселений нового типа, названных «социалистическими городами». В дореволюционный период идея города-сада, несмотря на некоторое сопротивление со стороны царского правительства, нашла свое практическое воплощение в работах российских архитекторов. Затем с приходом к власти большевиков она обрела второе дыхание благодаря присущему ей социально-реформаторскому содержанию. Но через некоторое время по не разъясненным до сих пор причинам на долгие годы оказалась официально запрещенной. Пришедшая ей на смену в середине 1920-х гг. концепция советского рабочего поселка заместила в конце 1920-х гг. новой теоретической доктриной – доктриной соцгорода.

Советская архитектурно-градостроительная политика, неразрывно связанная с государственной жилищно-расселенческой политикой, – уникальный исторический феномен, содержание которого неотделимо от истории и культуры советского общества. Но, несмотря на его, казалось бы, серьезную изученность, причины многих уже описанных явлений так до конца и не раскрыты; они требуют исторической доработки. Кроме того, эмпирический материал, ставший доступным в последние десятилетия, выдвигает ряд новых ключевых вопросов, которые, как это ни удивительно, до сих пор также продолжают оставаться без ответов. В чем проявлялось воздействие идеологических постулатов марксистской доктрины на решения, принимавшиеся советской властью в области архитектуры и градостроительства? Как советская экономика и административно-территориальная система управления человеческими массами влияли на государственную жилищную и расселенческую политику? Какое содержание закладывалось плановыми органами в основу архитектурно-градостроительного содержания концепции ведомственного рабочего поселка? В чем доктрина советского рабочего поселка противостояла идее города-сада?

Для получения ответов на эти вопросы в монографии прорабатывались труды послереволюционного периода, освещавшие причины популярности отдельных градостроительных идей в условиях социальных преобразований того времени¹; посвященные истории российской архитектуры и советского градостроительства 1920–1930-х гг.²; теоретическим основам

¹ Бархин Г. Б. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М.: Вопросы труда, 1925. 86 с.; Везубов И. И. Благоустройство селений и кооперация. М.: Новая деревня, 1925. 80 с.; Виленц-Горовиц Е. В. Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., Отдельный оттиск. Б. г. 20 с.; Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1, 2. 71 с.; Диканский М. Г. Борьба за рабочее жилище. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1925. 93 с.; Кожаный П. Рабочее жилище и быт. М.: ВЦСПС, 1924. 80 с.; Мачинский В. Д. Рабочий поселок. М.: ГУКХ НКВД, 1925. 136 с.; и др.

² Алешин В. Э. Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х – начале 1930-х годов: дис... канд. арх. наук [Электронный ресурс]. Киев, 1985. Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/diss/al_diss_07.html#ktz (дата обращения 10.05.2010); Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 440 с.; Левишко С. С. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29; Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М.: Наука, 1970. С. 44; Хмельницкий

советского градостроительства и творчеству мастеров советской архитектуры³; переселенческой (миграционной) политике советской власти⁴; вопросам размещения промышленности и неразрывно связанного с нею социалистического расселения⁵; устройству распределительной системы⁶; истории развития архитектурно-проектного дела⁷; особенностям архитектурно-планировочных решений конкретных социалистических поселений (поселений-садов, ведомственных рабочих поселков) и общим представлениям о теории, методологии и практике градостроительной политики рассматриваемого в монографии периода⁸.

Некоторые, казалось бы, вполне понятные явления при знакомстве с новыми материалами, а иногда и при внимательном прочтении старых, давно известных сведений резко выпадали из представлявшейся очевидной закономерности их возникновения. Так, например, в ряде научных трудов, детально рассматривавших российскую архитектурно-градостроительную практику проектирования и возведения городов-садов рубежа XIX–XX вв., подчеркивалось их безусловное архитектурно-художественное сходство с говардовскими⁹. Однако до сих пор остается неразъясненным, почему (в каких содержательных аспектах) в послереволюционный период идея города-сада вошла в противоречие с формируемой советской властью концепцией социалистического рабочего поселка. В чем состояло принципиальное отличие говардовского города-сада от советского рабочего поселка-сада? Почему содержание говардовской идеи оказалось впоследствии полностью изъятым из советской системы архитектурных знаний¹⁰ и свелось к озеленению, садово-парковому благоустройству и живописности планировки? Почему советская власть, осуществляя силами ведомств возведение рабочих поселков-садов рядом с реконструируемыми промышленными предприятиями, в то же самое время боролась с инициативами жилищной кооперации по строительству точно таких же поселков-садов рядом с существовавшими городами? Чем были вызваны действия государственных органов по целенаправленному законодательному про-

Д. С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 559 с.; Ружже В. Л. Градостроительные взгляды архитектора Л. Н. Бенуа // Архитектурное наследство. 1955. № 7. С. 67–86.

³ Бочаров Ю. П., Хан-Магомедов С. О. Николай Милютин. М.: Архитектура, 2007. 80 с.; Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.; Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.; Хайт В. Л. Объективное и субъективное в истории архитектуры и в ее изучении: факт и интерпретация // Архитектура. 2001. № 2. С. 98–101; и др.

⁴ Бородин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России / СССР в первой четверти XX в.: макроанализ структуры миграционных потоков // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143; Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.; и др.

⁵ Владимиров В. В., Наймарк Н. И. Проблемы развития теории расселения в России. М.: Едиториал УРСС, 2002. 197 с. и др.

⁶ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 271 с. и др.

⁷ Говоренкова Т. М., Славин Д. А. Жилищно-арендная кооперация. Опыт Новой экономической политики и возможность применения его в современной России. М., 2002 [рукопись]. С. 45; Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 464 с.; и др.

⁸ Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. Новосибирск: Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1978. 135 с.; Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города-сады в Сибири. Новосибирск: Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура (отдельный оттиск), 1985. 12 с.; Коньшова Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 256 с.; Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. Сер. Стр.-во и архит. 2013. Вып. 31 (50). Ч. 1: Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 291–299; Она же. Новые идеи в градостроительстве 1920–1930-х годов и первый практический опыт в строительстве соцгородов. На примере соцгорода Автозавода в Нижнем Новгороде // Градостроительство. 2009. № 4. С. 44–49; Селиванова А. Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов: дис... канд. арх. наук. М., 2009. 252 с.; и др.

⁹ В частности, в трудах С. Баландина, Е. Борисовой, Т. Каждан, Е. Кириченко, С. Лешоко, В. Ружже, Е. Смирновой и др.

¹⁰ Данный факт фиксировался (см.: Хазанова В. Э. Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг.: автореф. дис... докт. иск. М., 1996), но причины его не были раскрыты.

тивостоянию концепции города-сада, в конечном счете приведшие к запрету внесения частной застройки в разрабатывавшиеся проекты планировок населенных мест?

Выявление и обобщение того специфического содержания, которое приобрела концепция города-сада в советских условиях, особенно важны, потому что в советской историографии, как это ни удивительно, никогда не раскрывались социально-политические, социально-организационные, социально-управленческие, финансово-экономические основания говардовской концепции города-сада. Также никогда целостно не излагалось и содержание доктрины советского ведомственного рабочего поселка – законодательное, нормативное, трудовомобилизационное.

Чуть более чем десятилетний период – с 1917 до конца 1920-х гг. – ключевой для развития советского градостроительства, так как в это время были заложены основы государственной архитектурно-градостроительной политики в отношении ведомственных рабочих поселков, неуклонно реализовывавшиеся затем фактически на протяжении всего предвоенного времени.

* * *

Основопологающей гипотезой, на которой покоится данное исследование, является утверждение о стратегии социального контроля посредством жилища, которая была положена советской властью в основу всей своей жилищно-расселенческой и архитектурно-градостроительной политики.

Специфика данной монографии заключается в том, что жилищно-расселенческая и архитектурно-градостроительная политика рассматриваются в ней с той стороны, с которой ранее они никогда не выступали предметом исследования, – как архитектурно-градостроительная форма трудовомобилизационной организации населения. Исследование показывает, как под воздействием необходимости борьбы с неуправляемой миграцией, размывавшей трудовые коллективы градообразующих предприятий – основу опоры власти в человеческих массах, – именно предоставление крыши над головой было превращено в средство привязки людей к месту работы.

В исследовании показано, как власть принуждала архитекторов переходить от рассредоточенной особняковой застройки с живописной планировкой, присущей городу-саду, к многоэтажной секционной регулярной поквартальной структуре ведомственных рабочих поселков, возводившихся рядом с градообразующими предприятиями.

Прорабатывая источники, автор сознательно опирался не на материалы дискуссий, разворачивавшихся в печати (они в рассматриваемый период были нередкими) или в высших эшелонах советского партийно-государственного руководства (их в это время также было немало), не на вариации мнений и идейных разногласий (они полноценно отражены в доступных исторических источниках) и не на высказывания некоторых лидеров партии по отдельным вопросам государственной идеологии, а на... законодательство. Споры спорами, несогласия несогласиями, отдельные точки зрения – сами по себе, но законодательство в значительной мере являлось взаимоувязанным комплексом документов и было определяющим в руководстве практическими действиями. Безусловно, оно не было застывшим: его содержание трансформировалось, но всегда отражало официальную политику власти, принятую на данный момент, либо корректировалось вместе с ее изменениями. Именно оно, а не дискуссии (даже на самых высоких уровнях власти) регулировало любые практические решения и деятельность и в значительно меньшей степени было подвержено противоречиям, чем сиюминутные высказывания кого бы то ни было на разнообразных «дискуссионных площадках».

Именно законодательство регулировало повседневную жизнь людей вне зависимости от их согласия/несогласия с законами, несовпадений во мнениях, точках зрения или «предметов спора». Анализ декретов и постановлений ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, СТО, ЭКОСО и др. позволил автору реконструировать официальную жилищно-расселенческую и архитектурно-градостроительную политику советской власти в период 1917–1929 гг.

* * *

В истории материальной культуры и искусства оригинальный внешний вид или инновационное устройство изделия очень часто оказываются навсегда связанными с именем его создателя: стул Макинтоша, «яйца» Фаберже, автомат Калашникова, собор Гауди и т. п. Значительно реже имя автора сохраняется в необычных проектах городов – линейный город Сория-и-Мата, функциональный город Ле Корбюзье, поточно-функциональный город Милютина. Но практически никогда реально существующие города не хранят имен тех, кто составлял их план. Причина в том, что поселение всегда живет своей собственной саморазвивающейся или угасающей жизнью. А это накладывает на базовый замысел так много естественных искажений, так сильно преобразует, трансформирует, дематериализует его, что исходная идея через некоторое время часто оказывается совершенно неузнаваемой. Первоначальный планировочно-композиционный замысел постепенно настолько сильно мутирует под влиянием реалий городской жизни, что в конечном счете утрачивает родовую связь с возникшей согласно проекту городской средой и, как следствие, с именем его автора.

Но, несмотря на эту закономерность, одно градостроительное явление истории XIX–XX вв. все же оказалось навечно связанным с именем его идейного вдохновителя Эбенизера Говарда. Это – «город-сад».

«Отец-прародитель» идеи города-сада не был архитектором-художником или гражданским инженером, то есть одним из тех, кто разрабатывает проекты планировки городов. Он не был политиком или гигиенистом (сейчас таких называли бы экологами), чьи действия и призывы влияли на качество городской среды. Он не был мэром или губернатором... Он был «краб идеи», ее иступленный слуга...

Эбенизер Говард изложил свои взгляды всего лишь в одной книге. Причем предыстория ее издания весьма любопытна: в 1896 г. Говард предложил журналу *Contemporary Review* краткую версию написанной им книги под названием «*A Garden City, or One Solution to Many Problems*» («Города-сады, или Одно решение многих проблем»), однако статья была отвергнута. В 1898 г. американский друг ссудил Говарда 50 фунтами, которые требовались для издания книги, вышедшей под наименованием «*To-morrow: a Peaceful Path to Real Reform*» («Завтра: мирный путь к реальным реформам»). Но книга не вызвала того резонанса, на который Говард рассчитывал. Однако у публично провозглашенной идеи все же начали появляться сторонники. И наконец, упорство увенчалось успехом: в 1902 г. вышла в свет переработанная версия книги под названием «*Garden cities of to-morrow*» («Города-сады будущего»), которой и суждено было стать классическим наставлением на пути в мир будущего расселения, переведенным на все основные языки мира.

В 1899 г. в Англии для практического воплощения говардовской идеи было сформировано Общество городов-садов, а небольшое поселение, возникшее в 1903 г. (Лечворте), стало прародителем целого градостроительного направления, в основе которого лежало революционное на тот период социально-организационное содержание. Чуть позже общества городов-садов возникли в Германии, Франции, России (1913) и множестве других стран по всему миру. В 1913 г. было создано Международное общество, превратившееся в Международную федерацию жилищного дела и градостроения, бессменным президентом которого Э. Говард состоял до самой своей смерти. Таким образом, усилиями Говарда было сформиро-

ровано интеллектуальное наследие, кардинально повлиявшее на последующее градостроительство во всем мире.

Вся палитра многочисленных российских научных и публицистических трудов, в которых рассматривается феномен города-сада (а их накопилось к сегодняшнему моменту уже довольно много), располагается между двумя «полюсами»:

1) город-сад описывается как «зеленое место», то есть рассматривается исследователями – экологами, культурологами, искусствоведами, биологами, дендрологами, ландшафтниками и пр.¹¹ – со стороны: а) взаимосвязи с естественной природой; б) изобилия специально рассаживаемой зелени в виде бульваров, парков, скверов, садов; в) ухоженного общественного пространства с цветочками на клумбах; г) философской трактовки понятия «сад» как связующего звена между «природой» и «человеком»;

2) город-сад представляется как продукт «живописной планировки», то есть описывается другой категорией исследователей – архитекторами-планировщиками, дизайнерами архитектурной среды, транспортниками и пр. – со стороны: а) красивой трассировки криволинейных проездов и пешеходных связей с велосипедными дорожками и без оных; б) застройки малоэтажными домами (коттеджного типа); в) удобных коротких связей с окружающей природой (речкой, озерком, березовой рощей)...

Практически во всех научных и публицистических трудах, рассматривающих феномен города-сада, эти расхожие описания упорно повторяются на разный лад. И все они не имеют никакого отношения к идее Эбенизера Говарда! Никакого отношения к городу-саду!

Идея города-сада не связана с устройством газонов, общественных зеленых пространств или садово-парковым искусством. В говардовских городах-садах никакого особого озеленения и благоустройства не было. Была обычная высадка деревьев вдоль улицы и стандартная разбивка газонов вдоль тротуаров (рис. 1).

Безусловно, общее впечатление от города-сада в отношении зеленых насаждений оказывалось совершенно иным, нежели от среды крупных городов, существовавших в тот же период. Но вовсе не потому, что в городе-саде некие команды специально обученных садовников устраивали гигантские цветники или высаживали экзотические деревья, а затем трудолюбиво ухаживали за ними, но потому, что люди, проявляя заботу о внешнем виде палисадников перед входом в свой собственный дом, своими руками высаживали цветы и иные растения просто для того, чтобы украсить место своего обитания. Зелень в виде «живых изгородей» из подстриженных кустов возникала потому, что формировать такие «заборы» собственникам земли и недвижимости было экономически выгоднее, нежели устанавливать чугунные решетки. Появлялась она и на муниципальных участках земли, где отдельные жители в свободное время по собственной инициативе высаживали деревья или кустарники.

¹¹ *Ананьич Б. В., Кобак А. В.* «Города-сады» в России в начале XX в. // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Международный colloquium: научные доклады. 14–17 июня 2004. 8 с.: [рукопись]; *Афанасьев Г.* Города-сады будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://method-estate.com/archives/2754> (дата обращения 10.04.2014); *Городок Социалистический – Рабочий поселок в Мотовилихе* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anastasyamalt.livejournal.com/2333.html> (дата обращения 10.04.2014); *Егорова Т. Ю.* Эволюция города-сада в градостроительной практике Западной Сибири: первая треть XX в.: дис... канд. иск. Барнаул, 2006. 262 с.; *Степанская Т. М.* Сад в сибирском городе XIX – начала XX столетия // Современное историческое сибиреведение: сб. науч. ст. / под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул: Азбука, 2005. С. 323–328; *Пойдина Т. Н.* Садово-парковое строительство в сибирском городе: дис... канд. иск. Барнаул, 2006. 207 с.; и др.

Рис. 1. Город-сад Лё-Ложи (Le Logis) в Ватермель-Буасфор (под Брюсселем)

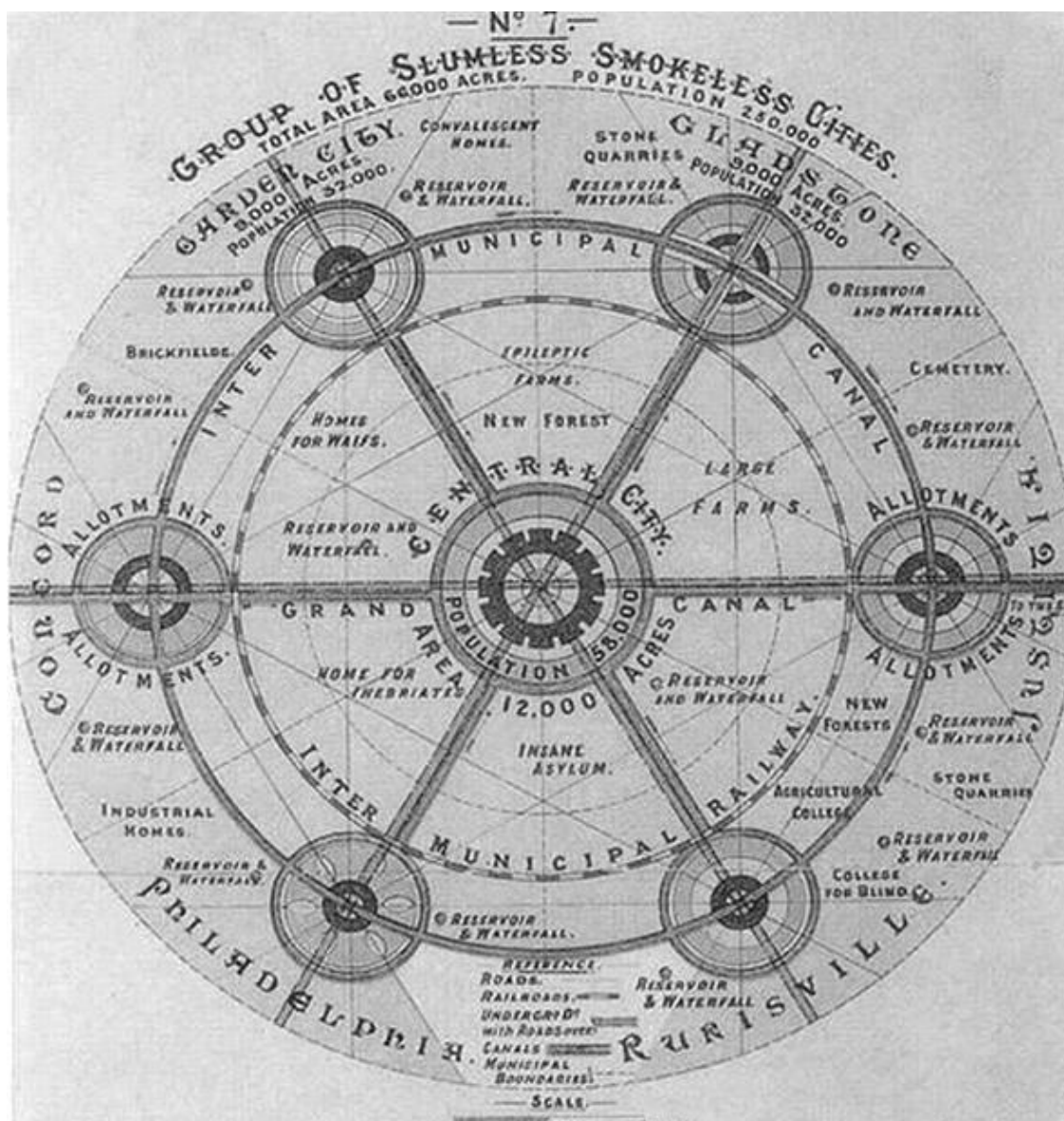

Рис. 2. Э. Говард. Теоретическая схема расположения городов-садов-пригородов вокруг большого города

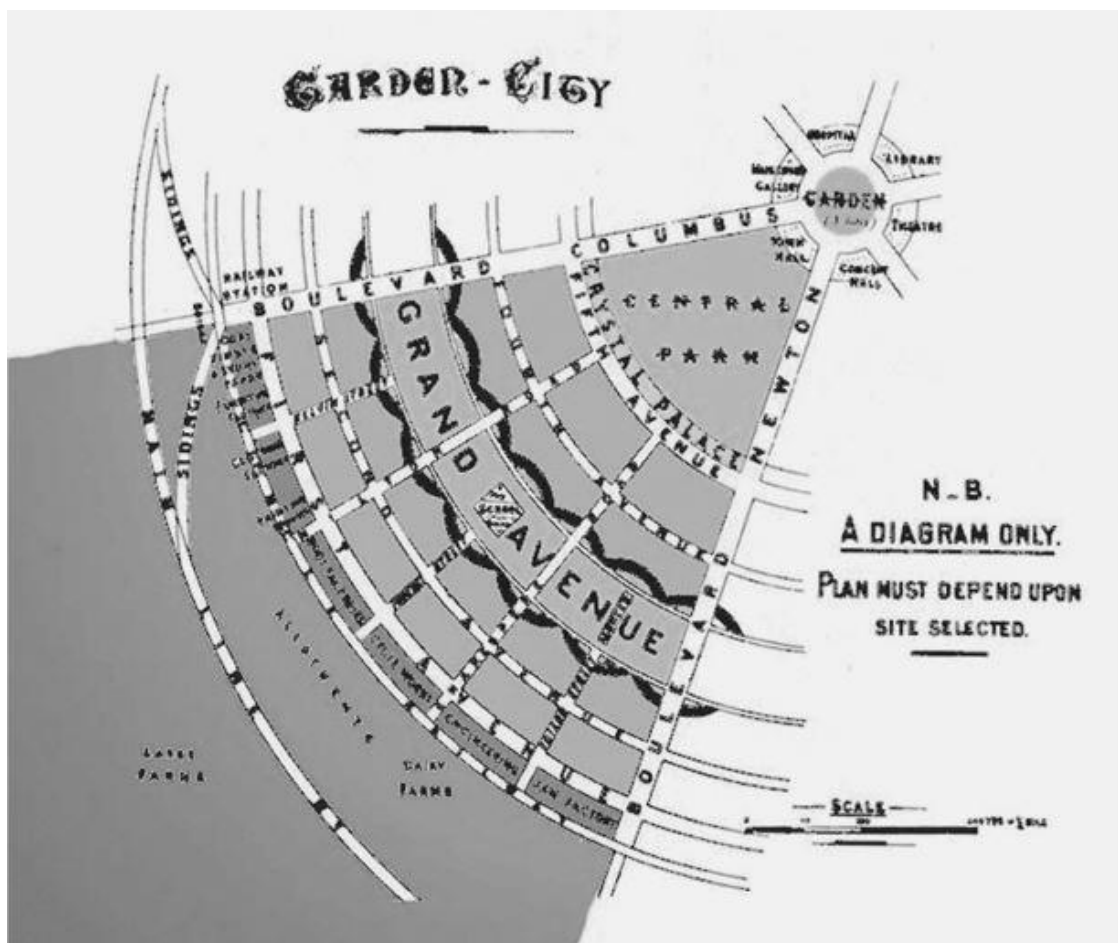

Рис. 3. Э. Говард. Теоретическая схема города-сада

Идея города-сада не основывалась на том, что планировка поселения обязательно должна была быть с криволинейными улицами или, напротив, с радиально-кольцевыми дорогами (как это изображено на условных диаграммах Говарда (рис. 2, 3), то есть с несколькими круговыми¹² и пересекающими их радиальными проездами, расходящимися в разные стороны от центральной площади, а еще с оконтуривающим круговым садово-парковым поясом и с окаймляющей кольцевой дорогой. Это заблуждение явилось следствием ошибочного превращения схем, отражающих смысл города-сада, в конкретные проекты планировок, примерно такой же ошибкой, как если бы кто-то вдруг занялся прочерчиванием по земле конкретных линий параллелей и меридианов...

Город-сад не был ни «садоводческим явлением», ни «планировочно-художественным изобретением». Он был прежде всего инновацией социального порядка¹³. Но именно эту социальную новизну идеи Говарда упорнее всего и отказывалась замечать советская градостроительная наука.

¹² Бунин А. В., Саваренская Т. В. История градостроительного искусства: в 2 т. М.: Стройиздат, 1979. Т. 2. 406 с.; Город-сад // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Город-сад> (дата обращения 10.04.2014); Егорова Т. Ю. Эволюция города-сада в градостроительной практике Западной Сибири: первая треть XX в.: дис... канд. иск. Барнаул, 2006. 262 с.; Здесь будет город-сад? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eponim2008.livejournal.com/19416.html> (дата обращения 10.04.2014); Планировочные схемы города-сада [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://architecturehistory.ru/zapadnoe-gradostroitelstvo-19-veka/planirovочnye-sxemy-goroda-sada.html> (дата обращения 10.04.2014).

¹³ Подробнее см.: Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archi.ru/lib/e_publication_for_print.html?id=1850569462 (дата обращения 28.02.2016).

В советский период сами архитекторы под влиянием цензуры и идеологии, формировавшейся параллельно с упрочением сталинского единовластия, приложили руку к появлению и закреплению искаженного представления о феноменах мирового зодчества. Так, в статье «Город-сад», помещенной в «Технической энциклопедии» – главном информационно-справочном издании СССР конца 1920-х – начала 1930-х гг.¹⁴, написано: «По проекту Говарда город-сад имеет круглую форму и разделен на 6 равных секторов... Вскоре выяснилось, что система особняков-коттеджей слишком дорога и не может быть основой для серьезного разрешения жилищного вопроса. Второй город-сад – Вельвин дает уже значительный сдвиг в сторону укрупнения строительства... Континентальные европейские государства, привыкшие вообще к многоквартирным домам, пошли еще дальше, и в настоящее время город-сад уже не связывается с понятием коттеджа. Теперь городами-садами называют благоустроенные, с большим количеством зелени пригородов дачные места, рабочие поселки...»¹⁵

Это описание ошибочно. Прежде всего потому, что никаких проектов планировки Э. Говард не создавал и поэтому не придавал планам никакой круглой формы. Ошибочно и в отношении строгой геометрии композиции городов-садов с разбивкой на сектора, и в отношении дороговизны «коттеджей-особняков», возведение которых в начале – середине 1920-х гг. в европейских странах, как и прочей малоэтажной отдельно стоящей застройки, обходилось дешевле, чем многоэтажной. А в СССР в условиях отсутствия технологий массового поточного строительства многоэтажного жилища, да и вообще полного отсутствия какой-либо передовой стройиндустрии (машин, механизмов, новых технологий, стройматериалов), возведение малоэтажных, мелкогабаритных отдельно стоящих домов было значительно дешевле.

Статья в «Технической энциклопедии» написана явно под влиянием навязываемой советской властью в конце 1920-х гг. всем видам застройщиков установки на отказ от индивидуального домостроительства, на укрупнение жилищного строительства до вида многоэтажных секционных домов. Но самое удивительное – не в этих ошибочных трактовках, а в том, что написал их Владимир Николаевич Семенов, человек, который за 15 лет до этого в своей книге «Благоустройство городов», изданной, правда, еще до Октябрьской революции, в 1912 г., призывал к учету местных условий при приложении к ним абстрактных планировочных схем города-сада, ратовал за упорядочивание городской структуры. Человек, который был автором самого известного в России «города-сада»¹⁶ и практически реализовывал в своих проектах якобы дорогостоящее коттеджное строительство. Человек, который прекрасно представлял себе истинные смыслы говардовской идеи, причем не понаслышке: он в течение пяти лет (1908–1912) жил в Англии, «посетил Париж, Вену, Брюссель и некоторые города Германии, где знакомился в натуре с планировкой и застройкой городов»¹⁷ и, как следствие, был непосредственно знаком с планировочными новшествами того времени и, в частности, городами-садами.

Редакторами раздела «Архитектура, строительное дело, городское благоустройство, коммунальное хозяйство» в «Технической энциклопедии», где была опубликована процитированная выше статья, выступали профессор А. Н. Долгов, архитектор И. К. Запорожец, инженер Г. Б. Красин, а также академик архитектуры А. В. Щусев, которые, кстати, еще в дореволюционный период сами принимали активное участие в обсуждении и популяриза-

¹⁴ «Техническая энциклопедия» издавалась с 1927 по 1934 г. Всего вышло в свет 26 томов (Техническая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.twirpx.com/files/encyclopedia/tehnicheskaya_enciklopediya (дата обращения 29.04.2014)).

¹⁵ Город-сад // Техническая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 5. С. 785–787.

¹⁶ Белоусов В., Смирнова О. В. В. Н. Семенов. М.: Стройиздат, 1980. С. 5. (Мастера архитектуры).

¹⁷ Там же. С. 8.

ции говардовской идеи, а кое-кто из них – даже в проектировании поселений на ее основе. И они тоже прекрасно знали, в чем заключался подлинный смысл говардовской концепции.

Истинная причина этого искаженного разъяснения сути идеи города-сада кроется не в непонимании, а в вынужденной необходимости следовать тем содержательно-идеологическим установкам государственной градостроительной и жилищной политики, которые в этот период получили в Советском Союзе уже вполне однозначную направленность. Если власть вопреки всем имевшимся расчетам доказывала экономическую неэффективность малоэтажного строительства, то и авторы/редакторы статьи вынуждены были говорить о его дороговизне. Если государство направляло свои усилия на возведение многоэтажного, многоквартирного жилого фонда, то авторы/редакторы представляли это как «общемировую тенденцию». Если органы управления градостроительством отказывали идее города-сада в возможности войти в арсенал средств советской расселенческой и жилищной политики, то авторам/редакторам не оставалось ничего иного, как писать о том, что «...теперь городами-садами называют... дачные места...».

Советская наука после обретения Сталиным всей полноты власти была превращена в структуру, выражавшую и оформлявшую политическую волю власти. Она старательно избегала выявления и освещения социальных проблем. Во-первых, потому, что начиная со второй половины 1920-х гг. с каждым годом все большую неизбежность приобретал официальный идеологический постулат о том, что в СССР проблем (тем более социальных) не существует. А есть лишь «отдельные временные трудности», с которыми партия и правительство упорно борются и в конце концов успешно их преодолевают. Во-вторых, потому, что непредвзятое описание того, как решались средствами архитектуры и градостроительства социальные проблемы на Западе, давало советскому читателю материал для невольного сопоставления с существовавшим положением дел в нашей стране, которое было явно не в пользу СССР.

Как следствие в советском градоведении в трудах по истории западноевропейской урбанистики, написанных в 1970-е гг., но до сих пор являющихся, по сути, основополагающими учебниками для студентов, все прежние «формулы» были воспроизведены, несмотря на то что эти труды создавались во времена, которые если и не отличались особой свободой высказываний, то по крайней мере были намного демократичнее, чем начальный период индустриализации. В этих исследованиях и учебниках, на которых выросли десятки поколений отечественных архитекторов-планировщиков, писалось о том, что градостроительство капиталистических стран в целом оказалось totally неуспешным в решении социальных проблем. Так, например, в отношении говардовской концепции городов-садов говорилось: «Основными причинами постигшего Говарда поражения явились трудность достижения экономической автономии городов-садов, с одной стороны, и недоступность благоустроенных коттеджей широким трудящимся массам – с другой. Лишь в редких случаях удавалось уговорить владельцев фабрик и торговых предприятий навсегда покинуть насиженные места в Лондоне. И в равной мере только очень немногие из столичных жителей соглашались сменить свои городские дома и квартиры на далеко расположенные загородные, несмотря на всю соблазнительность сельской природы...»¹⁸

Все неверно в этой оценке! Никакого «поражения» идея Говарда не понесла, напротив, на Западе города-сады получили огромное распространение и во многом сняли остроту жилищного кризиса, решив жилищную проблему для широких масс населения. Никаких трудностей в «достижении экономической автономии» у городов-садов не было, они создавались и функционировали (и, кстати, до сих пор функционируют) как самоуправляемые и автономные. Миф о «недоступности благоустроенных коттеджей широким трудящимся

¹⁸ Бунин А. В., Саваренская Т. В. История градостроительного искусства. М.: Стройиздат, 1971. Т. 2. С. 34.

массам», увы, стал наиболее устойчивым в отечественном градоедении, несмотря на то что как раз города-сады превратили этот тип домостроений в широкодоступный именно для малоимущих слоев населения. Никто не «уговаривал» владельцев фабрик и торговых предприятий переносить их за город, это было абсолютно ненужным в условиях западного градостроительства, в котором место жительства никоим образом не связывалось с местом приложения труда (градоформирование на Западе шло по пути разворачивания систем общественного транспорта и стремительного расширения объемов наличия личного транспорта). «Только очень немногие из столичных жителей соглашались сменить свои городские дома и квартиры на далеко расположенные загородные» – заявление, не имеющее никакого отношения к сути дела. Никому из квартирновладельцев и не предлагалось «менять» свое городское жилище на пригородное: говардовская идея была направлена на предоставление жилища тем, кто его никогда не имел. Как раз в этом и заключалась ее главная отличительная особенность¹⁹.

Инновационным в идее Говарда являлась не архитектура, не благоустройство, не композиция планировки поселения, а прежде всего ориентация на возведение дешевого, доступного, комфортного индивидуального жилища. Главным в идее города-сада было создание таких финансово-экономических и организационно-управленческих условий для самоорганизации граждан, которые позволяли им относительно быстро и сравнительно недорого решать свои жилищные проблемы. Идея базировалась на специфических формах: а) льготного кредитования строительства, б) общественного самоуправления, в) коллективной собственности на землю, недвижимость и природные ресурсы²⁰.

Социальная новизна идеи города-сада реализовалась в формировании самоуправляемых, независимых, автономных жилых образований с количеством жителей, достаточным для того, чтобы за счет аккумулируемых средств ежемесячных налоговых сборов, необременительных по отношению к величине средней заработной платы, иметь возможность возводить оптимально загруженные школы, самодеятельный театр и иные городские здания воспитательного и общественно-культурного назначения. Новизна идеи города-сада также проявлялась в создании населенных мест такой величины, чтобы при невысокой плотности расселения в 1–2-этажных домах вся территория поселения все же находилась бы в пределах пешеходной доступности и не требовала создания внутрипоселкового транспорта. Она воплощалась в такой системе муниципального управления, которая способна была извлекать прибыль из сдачи в аренду земли, находившейся в коллективном пользовании, в объемах, достаточных для содержания коммунальной инфраструктуры и даже накопления некоторой части прибыли, постоянно направляемой на повышение уровня благоустройства среды обитания²¹.

В организационном плане социальная новизна проявлялась в том, что город-сад предлагал свободное открытое членство любому пожелавшему вступить в кооперативное жилищное товарищество: внося незначительные стартовые суммы, простые рабочие и служащие записывались в члены товарищества, возводившего поселок, и затем начинали коллективно «владеть» поселением. Собираемый капитал направлялся на покупку недорогих земельных участков и на возведение домов, а остававшиеся свободными суммы взносов помещались под накопительные проценты в сберегательные кассы, принося товариществу прибыль. Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены товарищества превращались из нанимателей квартир в собственников.

¹⁹ См. подробнее: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 118–166.

²⁰ См. подробнее: *Он же.* От города-сада к социалистическому поселку-саду. Государственная градостроительная политика в СССР в начале – середине 1920-х гг. // Проект Байкал. 2006. № 7. С. XXX–XXXIX.

²¹ Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть города-сада // Зодчий. 21 век. 2006. № 1 (21). С. 12–15.

Главным отличием города-сада от всех прочих форм поселений было именно устройство системы управления населенным местом, основанной на демократических принципах равного участия каждого члена в руководстве социальным организмом – вне зависимости от «финансового веса» человека. Согласно подавляющему большинству уставов подобных кооперативных поселений каждый член товарищества, каким бы количеством паев он ни владел, при решении любых вопросов на общем собрании (высшем органе управления) имел только один решающий голос. Руководство всеми процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось так, как мечталось некоторым отечественным идеалистам-реформаторам постперестроечного периода (конца 1990-х гг.) – на строгой законодательной основе, публично, в виде коллективного волеизъявления на общих собраниях акционеров (пайщиков), в которых на равных правах участвовали все члены жилищного товарищества, а в промежутках между ними – подотчетным, демократично избранным правлением, которому общее собрание делегировало право руководства повседневной жизнью поселения.

Руководство эксплуатацией города-сада было направлено также на то, чтобы обеспечить возведение оптимально необходимого «набора» общественных зданий: а) школы (из расчета количества учеников, равного 1/5 части населения); б) библиотеки, в) музея, г) общественного парка, д) системы водоснабжения и канализации. Любопытно, что устройство водопровода, освещения, рынка и иногда даже трамвая, несмотря на пешеходную доступность всех частей поселения, не включалось в статьи расходов, так как они рассматривались как виды услуг, финансируемых за счет их оплаты непосредственными потребителями (то есть за счет предприимчивости и окупаемости частных компаний, разворачивавших и предоставлявших данный сервис).

Город-сад также получал доходы от рачительного использования внутриселковой и прилегающих территорий. Причем сдача в аренду участков для промышленных, сельскохозяйственных и торговых целей не только приносила прибыль в городскую казну, но и приближала производителей к источнику сбыта, в свою очередь, снижая для жителей города-сада стоимость товаров и услуг. Так, например, для фермеров, получавших в аренду сельскохозяйственные угодья, находящиеся в собственности города-сада, по цене, сопоставимой с величиной аренды в других местах, эти земли были значительно более привлекательными из-за наличия постоянного контингента потребителей производимой ими сельхозпродукции – населения города-сада. Овощи и фрукты не нужно было везти куда-то, оплачивая дополнительные транспортные расходы, и таким образом появлялась возможность несколько снизить розничные цены. А кроме того, городские отходы стабильно и практически бесплатно поступали для удобрения земли...

Ключевым для города-сада был вопрос о типе жилья. Предпочтение отдавалось не многоэтажным домам-казармам коридорного типа с общими туалетами и душевыми, какими повсеместно застраивались пригородные рабочие поселки Западной Европы, а небольшим отдельно стоящим 1–2-этажным (или блокированным вдоль улиц) домам с приусадебными участками. Прежде всего потому, что они были дешевле в постройке и эксплуатации, нежели многоэтажные и многоквартирные.

Основополагающим в таком самоуправляемом, саморазвивающемся, самодостаточном поселении было не количество деревьев и кустарников, а «уничтожение эксплуатации человека человеком в жилищной нужде».

Реальная практическая эффективность в преодолении жилищной нужды малоимущими слоями населения привлекла к данной идее в дореволюционный период широкое внимание. «Социализм без революции» – так она именовалась в этот период.

Однако об этом в отечественной исследовательской литературе до сих пор абсолютно ничего не написано²². Содержание этого специфического социально-организационного и финансово-экономического механизма не раскрыто. Практически никем из авторов целенаправленно не изучались причины того острого интереса к идее города-сада, который был проявлен советской жилищной кооперацией. Не исследовались особенности интерпретации этой идеи в практике проектирования советских ведомственных рабочих поселков 1920-х гг., возводившихся возле реконструируемых и строящихся промышленных объектов, электростанций, торфоразработок, паровозных депо и т. п. Не раскрывалось влияние на трансформацию этой идеи тех социально-политических и социально-организационных условий, в которых осуществлялась советская градостроительная политика. Никто из авторов так и не объяснил причины почти полного запрета идеи города-сада в СССР к концу 1930-х гг.

Данная книга заполняет этот пробел в отечественной историографии. В ней подробно разъясняется, почему советская градостроительная и жилищная политика пошли совершенно иным путем, чем в других странах мира. Показано, как постепенно изменялось содержание базовых идей, принципов, законодательных и нормативных регулятивов советского градостроительства, почему идея города-сада оказалась замененной на доктрину «советского ведомственного рабочего поселка» и чем одна отличалась от другой. Рассмотрено, какой была типология жилища в поселках советской жилищной кооперации и в чем заключалось ее отличие от типологии жилища в ведомственных рабочих поселках.

²² Единственным исключением является статья, посвященная анализу социально-экономического содержания идеи города-сада: *Говоренкова Т., Жуков А., Савин Д., Чуев А.* Что такое города-сады [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socpolitika.ru/rus/social_policy_research/analytics/document6195_print.shtml (дата обращения 20.03.2014).

Глава 1. Город-сад как элемент градостроительной политики в России в предреволюционный период

1.1. Предпосылки интереса к идее города-сада и причины ее популярности

Идея города-сада Э. Говарда возникла в конце XVIII в. как ответ на неразрешимость жилищных проблем капиталистической эпохи, вызванных прежде всего высокой стоимостью городской земли. Выкупать под новое строительство территорию, уже находящуюся в чьей-то собственности, приходилось по спекулятивно завышенным ценам, в результате чего конечная стоимость возведенных жилищ оказывалась непосильной для большей части тех, кто в них нуждался.

Предложение возводить новые автономные поселения за чертой существующих городов позволяло не только размещать их в благоприятных природных условиях, но и серьезно снижать спекулятивную составляющую расходов. Кроме того, при строительстве на пустом месте появлялась возможность оптимизировать численность населения, обеспечивать нормирование размеров территории поселения и разбивку оптимальной величины участков земли, изначально комплексно формировать систему инженерных коммуникаций, обслуживающую инфраструктуру и пр.

Планомерность застройки новых пригородных поселений (то есть по заранее разработанному генплану) была одной из основных линий противостояния идеи города-сада существовавшей в тот период практике стихийного появления и развития промышленных поселков. Но самым главным в предложениях Э. Говарда было то, что города-сады основывались на специфических формах кредитования строительства, общественного самоуправления и коллективном характере собственности на землю и недвижимость. В организационном плане идея города-сада предполагала свободное открытое членство в кооперативном жилищном товариществе: все желающие, внося незначительные стартовые суммы, вступали в члены товарищества, возводившего поселок и затем владевшего им, становясь его акционерами (пайщиками)²³. Причем каждый желающий мог приобрести не более изначально определенного количества акций (паев), например 10 акций, как в Берлинском строительном товариществе (стоимость одной акции равнялась 200 маркам). Деньги можно было уплатить сразу либо постепенными еженедельными взносами по 40 пфеннингов. Собираемый капитал направлялся на постройку или приобретение домов и земельных участков, а свободные суммы помещались под накопительные проценты в сберегательные кассы или сохранялись «иным вполне надежным способом, подобно сиротским капиталам»²⁴.

Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены товарищества превращались из нанимателей квартир в собственников. В конечном счете сам поселок постепенно становился полной собственностью его обитателей. Руководство процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось в виде коллективного волеизъявления: важнейшие вопросы решались общим собранием, в

²³ Преимуществам кооперативных форм объединения людей для совместного разрешения ими жилищной проблемы посвящены издававшиеся до революции книги М. Г. Диканского: *Жилищная нужда и строительные товарищества*. Харьков, 1908; *Он же*. *Квартирный вопрос и социальные опыты его решения*. СПб., 1908; и др.

²⁴ Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества (цит. по кн.: *Диканский М. Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения*. СПб., 1908). С. 218.

котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры). Текущая работа по управлению поселением велась публично избранным правлением.

Возведенные или приобретенные жилищным товариществом строения принадлежали ему до тех пор, пока члены товарищества, пожелавшие приобрести их в личную собственность²⁵, не выплачивали товариществу полную стоимость – «покупную» (если приобреталось уже возведенное строение) или «строительную» (если строение возводилось). Причем право приобрести дом члены кооператива получали лишь в том случае, если к моменту покупки дома они, во-первых, состояли членами товарищества не менее полугода, во-вторых, уже уплатили 1/10 часть минимального паевого взноса (что в Берлинском строительном товариществе составляло, например, не менее 20 марок).

Члены товарищества заблаговременно оповещались об условиях приобретения, ценах и иных сведениях о домах, выставленных на продажу. Желавшие приобрести дом должны были заявить об этом правлению и представить гарантию своей платежеспособности, а также обязательства выполнения всех прочих условий. Если число заявлений оказывалось более числа предлагаемых для продажи домов, то вопрос решался жребием, после чего оформлялась купчая и дом переходил в полную собственность покупателя (рис. 4). Если же покупная цена на момент приобретения недвижимости не была выплачена полностью, то на сумму долга совершалась закладная товариществу с выплатой годовых (в уставе Дрезденского общепольного строительного союза, например, величина этого процента была четко фиксированна – не более 4,5 % годовых)²⁶.

До полного перехода дома в собственность покупатель, кроме паевых взносов, был обязан выплачивать правлению квартирную плату. Причем если домостроение состояло из нескольких квартир, то оплата начислялась на весь дом, а «лишние» квартиры покупатель имел право сдавать в поднаем. Взимание квартирной платы с арендаторов было его личным делом, и квартплата от сданных в наем квартир поступала в его персональное распоряжение, но и заботы о содержании дома также полностью возлагались на него. Сдавать в поднаем свободные квартиры владелец имел право лишь на тех общих условиях, которые устанавливались правлением и наблюдательным советом, следившими за тем, чтобы покупатель в тот период, когда он распоряжался недвижимостью, не превратившейся пока в его безраздельную собственность, не назначал бы арендную плату произвольно.

²⁵ Там же. С. 218.

²⁶ Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 216.

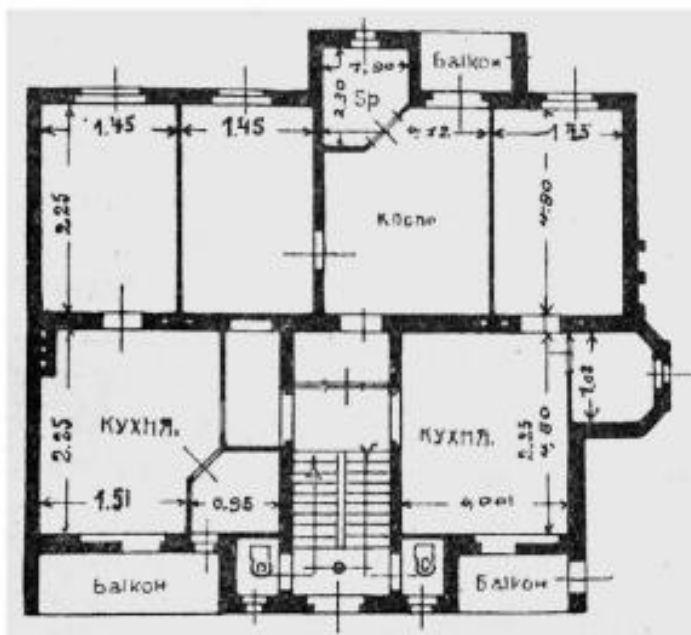

Рис. 4. Дома жилищной кооперации для рабочих в Дюссельдорфе (Германия). Фасад, план

Причем члены жилищного товарищества имели преимущественное право найма жилья за фиксированную квартирную плату, которая согласно уставу для членов товарищества устанавливалась «в возможно меньшем размере»: «Если наниматель соблюдает все пункты договора, то до тех пор, пока он владеет акцией, квартирная плата в течение трех лет не может быть повышена, а также не может быть предъявлено требование о выселении. Такое же право сохраняет за собою и вдова, если акция перешла к ней до конца первоначального срока договора. В случае продажи дома время освобождения квартир устанавливается по общим законам»²⁷. Если возникало несколько претендентов на аренду свободной квартиры, то вопрос о найме квартиры решался жребием.

Основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения было недопущение каких бы то ни было спекуляций с недвижимостью: членство в товариществе рассматривалось как средство удовлетворения личной потребности в жилище, а не как форма бизнеса. Исходя из этого категорически запрещалось использование кооперативного жилища в качестве доходных домов или в виде других форм коммерческой эксплуатации недвижимости. Уставы товариществ оговаривали специальное условие, при котором член товарищества не мог иметь в собственности больше одного дома²⁸.

Любопытно отметить, что финансовая сторона функционирования жилищного товарищества предполагала, что оно не только собирает со своих членов денежные средства и расходует их на означенные в уставе цели, но и осуществляет деятельность, направленную на извлечение прибыли из части собранных средств. Эта прибыль направлялась на выплату дивидендов членам товарищества²⁹.

Примечательно и то, что в социально-организационном плане кооперативное движение в буржуазных странах уже в дореволюционный период стремилось основываться на демократических принципах равного участия каждого члена в управлении социальным организмом вне зависимости от его «финансового веса». Согласно некоторым уставам в общем собрании (высший орган управления) каждый член, каким бы количеством паев он ни владел, при решении любых вопросов имел только один голос. Подобное условие было зафиксировано, в частности, в уставе Берлинского строительного товарищества. Правда, это правило не являлось всеобщим. Так, устав Дрезденского общепользного строительного союза предусматривал некоторую зависимость числа голосов от количества акций, правда, ограниченную: «Правом участия в общем собрании пользуется каждый акционер. Если акционер владеет тремя акциями, каждая акция дает ему один голос в общем собрании; если он владеет от 3 до 15 акций, то каждые 3 акции дают ему еще по одному голосу; свыше 15 акций – каждые 5 акций добавляют еще по одному голосу»³⁰.

Все эти демократические особенности организационно-финансовой стороны идеи города-сада и ее практическая эффективность в «разрешении жилищной нужды малоимущими слоями населения» (это словосочетание было весьма распространенным в литературе тех лет) привлекли к ней широкое внимание российской общественности. Но восприятие идеи города-сада в России было очень неоднозначным. Ее популярность среди городских слоев населения объяснялась наличием в городе-саде отдельного домовладения и участка земли при нем. Подобная тяга у россиян была предопределена тесной связью горожан с сельским землевладением, проявлявшейся в укладе городской жизни, во многом продолжавшем

²⁷ Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 212–216.

²⁸ Уставы Берлинского строительного товарищества и Дрезденского общепользного строительного союза (см.: Диканский М. Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908).

²⁹ Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 218–219.

³⁰ Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 214.

традиции деревенской общины или загородной усадьбы³¹. Но если горожане, либеральная общественность, а также архитектурное сообщество приняли идею города-сада почти восторженно, то органы государственного управления – царское правительство – отнеслись к ней весьма и весьма настороженно.

Причина в том, что идея города-сада базировалась на принципах общественного самоуправления, которое царское правительство воспринимало с большой опаской. Безусловно, в России в конце XIX в. существовало городское самоуправление: проведенная в 1870 г. реформа в известной мере отвечала потребностям развития буржуазного города и открывала некоторые пути рационализации городского управления³². Но основы городского самоуправления, заложенные земской, а затем и городской реформами, отвечали прежде всего интересам царского правительства, так как передавали общественному управлению лишь ту часть дел, с которой бюрократическому аппарату становилось все сложнее справляться.

В целом же в политике самодержавной власти хозяйственная целесообразность отступала на задний план перед соображениями политического характера. Правительственные органы были оппозиционны к структурам городского общественного управления, невзирая на успехи в муниципальной деятельности, достигнутые к концу 1880-х гг. органами самоуправления на местах в таких сферах деятельности, как образование, медицинское обслуживание, общественное призрение и т. п. Появление в Европе в конце 1890-х гг. идеи города-сада совпало по времени с усилением в России попыток царского правительства за счет принятия нового Городового положения ограничить права местного самоуправления³³.

Государственной политике, направленной на ограничение местного самоуправления, активно противостояла либеральная общественность, не только поднявшая в конце 1880-х гг. голос в защиту органов самоуправления, но и осуществлявшая постоянные практические действия по развитию его начал во всех тех сферах жизни и деятельности, которые находились вне пристального внимания со стороны правительственной администрации. Например, в дачных поселках России в 1900–1910-х гг. возникли и развивались новые формы общественного самоуправления, так называемые общества (комитеты) благоустройства местности³⁴. Подобные общества самостоятельно разрабатывали проекты использования отведенных им под строительство участков земли, решали проблемы повседневной жизни и вопросы создания инфраструктуры: осуществляли благоустройство, мощение дорог, вывоз мусора, электрифицирование освещения улиц, сооружали водопровод, канализацию, возводили учебные заведения, читальни, катальные горки, катки, детские площадки, спортивные сооружения, театры и библиотеки. Общества благоустройства местности издавали ежегодные отчеты о работе, имели собственные периодические печатные издания. Так, например, в начале XX в. только в Подмосковье издавались «Вестник поселка Лианозово», «Лосиноостровский вестник», «Малаховский вестник», журналы «Дачник», «Дачный вестник», «Постройка»; в Петербурге – журнал «Дачный курьер», газета «Поселковый голос» и др.³⁵ Общества активизировали самодеятельность населения, организовывали и направляли его инициативы, осуществляли фактическое самоуправление поселениями³⁶.

³¹ Коньшова Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 256 с.

³² Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.

³³ Там же. С. 246–247.

³⁴ Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 2. 560 с.

³⁵ Там же. С. 372.

³⁶ Русское градостроительное искусство... С. 371; Леошико С. С. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

Но если в отношении дачных поселков общественные инициативы подобного рода мало беспокоили центральную власть, то, когда речь заходила о расширении полномочий городского самоуправления в существовавших городах или о возведении новых поселений изначально на основе общественного управления, власть проявляла не только явное беспокойство, но и открытое противодействие. Так, в начале 1890-х гг. правительство разработало законодательные документы, ориентированные на частичное ограничение городского самоуправления, на включение земских и городских общественных объединений в общий строй государственных учреждений, причем путем максимального подчинения их бюрократическому аппарату. Для этого, в частности, предлагалось «во-первых, расширить полномочия Министерства внутренних дел по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями и, во-вторых, ограничить начала выборности»³⁷. В проекте Городового положения, внесенного на рассмотрение в Государственный совет 1 марта 1891 г., принцип выборности при замещении должностей по местному общественному управлению заменялся назначением на должности. Тем самым усиливалось зависимое положение органов общественного управления от администрации и возможность правительства оказывать воздействие на подбор их руководящего состава³⁸. Напомним, что городской голова, его заместитель и городской секретарь рассматривались властью (и формально значились) как находящиеся на государственной службе. Кстати, впоследствии в Советской России этот принцип будет использован при формировании структуры органов местного управления: председатели исполкомов, их заместители и секретари будут назначаться органами НКВД и проходить по их штатам. Данное положение будет предписано постановлением ВЦИК РСФСР от 23 августа 1922 г. «О принятии к руководству выработанных комиссией Всероссийского центрального исполнительного комитета норм и штатов для наркоматов и ведомственных им учреждений»³⁹. Согласно ему выплата заработной платы председателям исполнительных комитетов всех уровней, членам президиума исполкома (двум-трем, в зависимости от величины исполнительного органа) и секретарям (для губернских исполкомов) будет законодательно закреплена за НКВД.

Проект Городового положения 1891 г. сводил к минимуму самостоятельность городских дум. Так, если прежде губернатору принадлежало право надзирать лишь за «законностью» думских действий, то есть за соблюдением формальных требований, установленных законом, то теперь – за их «правильностью», что по существу давало ему возможность неограниченного вмешательства в дела городского общественного управления, так как позволяло своевольно квалифицировать действия городских дум как «неправильные»⁴⁰. Этому способствовало также и отсутствие в Городовом положении 1891 г. (в отличие от Городового положения 1870 г.) ключевой формулировки о том, что «городское общественное самоуправление в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно»⁴¹.

Традиционно рассматривая дворянство как свою главную политическую опору, правительство с недовольством относилось к увеличению числа гласных лиц, принадлежащих к другой части населения – торгово-промышленной. А в отношении доступа в органы самоуправления представителей разночинной интеллигенции оно занимало совершенно неприемлимую позицию, так как считало, что именно они потенциально способны привнести в думы нежелательные оппозиционные настроения. Поэтому усилия царского правительства

³⁷ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. С. 244.

³⁸ Там же. С. 245.

³⁹ СУ РСФСР. 1922. № 53. Ст. 675.

⁴⁰ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. С. 245.

⁴¹ Там же.

были направлены на всяческое ограничение присутствия в думах интеллигенции, несмотря на то что само указывало в качестве одной из основных причин недостаточно эффективной деятельности органов самоуправления низкий образовательный уровень большинства их членов.

Правительство также отказывалось расширять круг избирателей за счет категории квартиронанимателей, то есть не желало распространять право участия в выборах в органы городского управления на тех, кто не имеет недвижимой собственности в городе и не занимается торгово-промышленной деятельностью, хотя и принадлежит к образованным слоям городского населения. Правительство отсеивало представителей нежелательных слоев населения за счет повышения имущественного ценза при допуске к выборам: согласно положению депутаты городской думы должны были избираться именно на его основе, а не на основе налогового ценза. Это означало, что избирательное право де-факто продолжало оставаться у самых крупных владельцев недвижимости.

Идея города-сада – самоуправляющегося и саморазвивающегося поселения – вызывала опасения царского правительства тем, что в случае воплощения ее социально-организационной и социально-политической составляющей именно квартиронаниматели оказывались основным составом органов городского общественного самоуправления. Самодержавная власть, негативно относясь к либерально-демократическим идеям расширения общественного самоуправления, тем более не допускала мысли отдавать в его руки целые населенные пункты. Государственные органы не хотели утрачивать контроль над жилыми образованиями и прилегающими к ним значительными участками земли, над системами городского жизнеобеспечения и пр. Власть не могла допустить потери контроля над населением, позволяя ему самостоятельно создавать среду обитания и независимо управлять ею.

Негативное отношение царской власти к идее города-сада в значительной степени ограничивало реализацию социального, организационного, политического и экономического содержания говардовской идеи в градостроительной политике предреволюционной России. Кроме позиции правительства, ее широкому внедрению в российскую градостроительную практику дореволюционного периода препятствовали и другие причины: недостаточная степень развитости кооперативного движения, менее острая, нежели в Европе, потребность в децентрализации городов, несоответствие банковского кредитования существовавшей системе строительного законодательства и т. д.

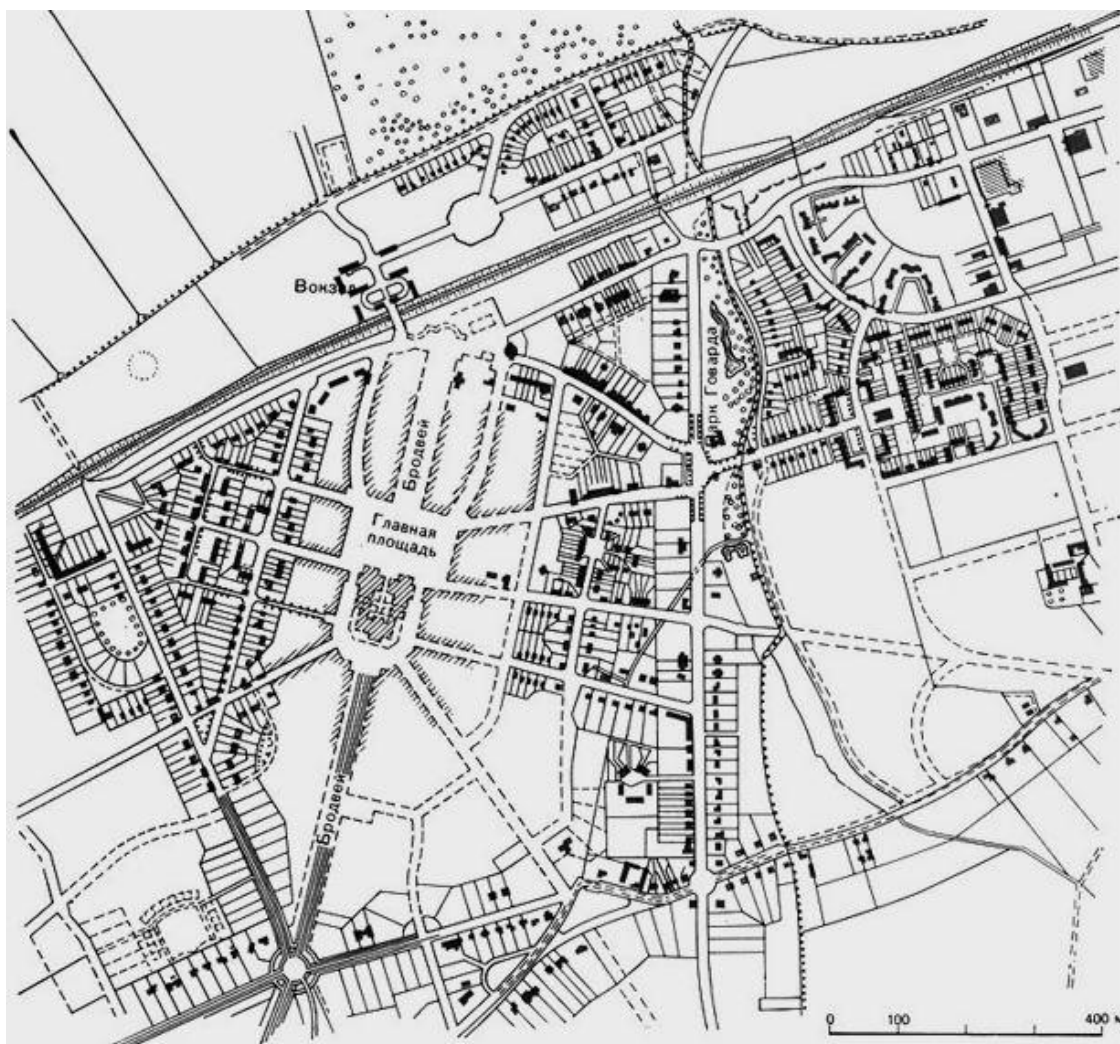

Рис. 5. Город-сад Лечвортс (близ Лондона). Генплан. Арх. Р. Энвин, Б. Паркер. 1904

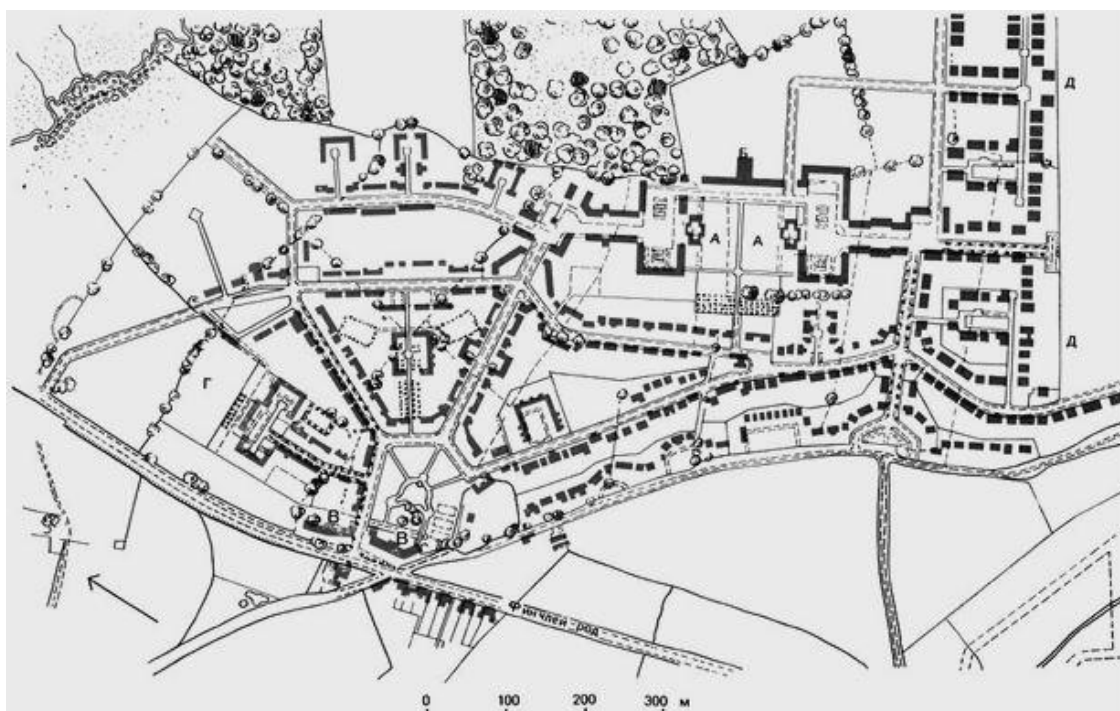

Рис. 6. Пригород-сад Хемпстед (вблизи Лондона). Арх. Р. Энвин, Б. Паркер и Ю. Лютинс. 1907

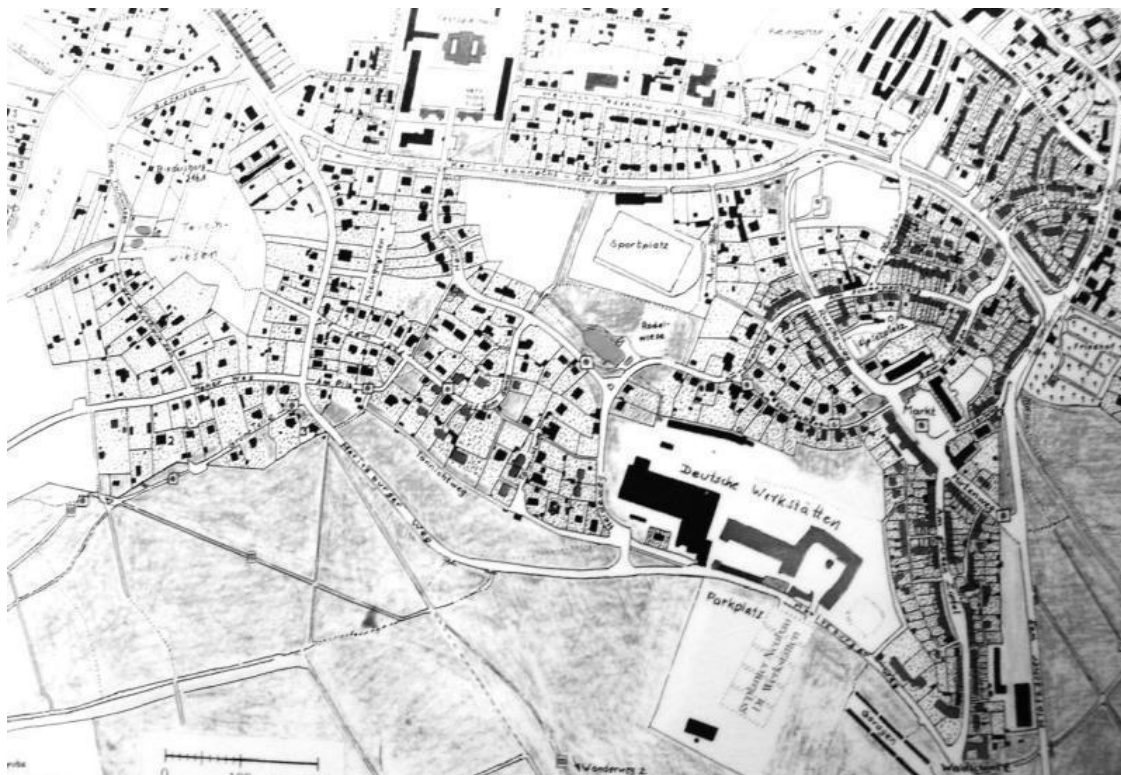

Рис. 7. План современного Геллерау (Германия)

1.2. Движение по возведению городов-садов

Идея Э. Говарда обрела на Западе большую популярность и широкое планировочное воплощение: на ее основе начали разрабатываться предложения по созданию вокруг английских городов системы новых сателлитных поселений, размещаемых на расстоянии до 50 км от старых городов – в природном окружении – и связываемых с существующим городом транспортным сообщением⁴². В октябре 1903 г. в 50 км от Лондона произошла закладка первого города-сада Лечвортса (рис. 5). Чуть позже начали строиться пригороды-сады: Хемпстед (рис. 6), Эдгбастон, Роифорд, Новый Эрсвик и др. В последующие годы поселения-сады появились также в Италии – Аньен близ Рима, Германии – Ротсгоф, Фолькенбург, Геллерау (рис. 7), Швейцарии и других странах.

Возникшее в конце XIX в. в общественном сознании России понимание необходимости планомерного (не стихийного) роста городов, комплексного (не фрагментарного) благоустройства рабочих поселков, ослабления жилищного кризиса в крупных городах за счет кооперирования малоимущих застройщиков (а не за счет возведения арендного жилья в виде доходных домов), рациональной планировки вновь возводимых поселений (а не случайной их застройки в результате земельных спекуляций) и т. п. подготовило к началу XX в. благоприятную среду для положительного восприятия российскими архитекторами пришедшей извне идеи города-сада.

В России новые социально-градостроительные веяния стали известны благодаря начатой с 1904 г. широкой публицистическо-пропагандистской деятельности журналов «Зодчий» и «Городское дело». Первое в России сообщение о городах-садах было опубликовано в журнале «Зодчий» в виде небольшой заметки некоего X⁴³. В 1909 г. Д. Д. Протопопов публикует статью об организованной германским обществом городов-садов экскурсии в Англию⁴⁴. В следующем году с активной пропагандой идеи городов-садов в журнале «Зодчий» выступает побывавший в Великобритании профессор А. К. Енш⁴⁵. К этому времени в Англии уже практически возведены два рабочих поселка-сада, основанных на идее Э. Говарда, – Борнвиль под Бирмингемом и Порт-Сенлянд под Ливерпулем.

⁴² Прейс П. В. Планировка городов и поселков. М.; Л.: Моск. акц. изд. об-во, 1927. 158 с.

⁴³ См.: Зодчий. 1904. № 17. С. 209.

⁴⁴ Протопопов Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18. С. 913.

⁴⁵ Енш А. Города-сады // Зодчий. 1910. № 30. С. 307–310; № 31. С. 319–323; № 32. С. 327–330; № 33. С. 335–338; № 34. С. 345–348; № 35. С. 353–354.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.